

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.156.110>

О ПОЛИИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ ВОЗРАЖЕНИЯ

Научная статья

Маслова А.Ю.¹*, Пальчёнкова Е.Д.²

¹ ORCID : 0000-0002-9367-1473;

² ORCID : 0009-0000-4081-5405;

^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Российской Федерации

* Корреспондирующий автор (al_mas[at]mail.ru)

Аннотация

В статье анализируется полиинтенциональный характер речевого действия на примере речевой ситуации возражения; исследуются особенности сочетания интенций в рамках одной коммуникативной ситуации. В работе представлены регулярно наблюдаемые интенциональные комплексы при реализации приоритетной цели возражения, а именно: интенции манипуляции, критики, иронии, упрека, защиты. Прокомментирован иллюстративный материал, демонстрирующий прагмалингвистические особенности реализации интенциональных комплексов, обращается внимание на языковые средства выражения, маркирующие то или иное намерение. Представленный фрагмент исследования раскрывает прагматический потенциал речевой ситуации возражения в аспекте ее интенциональных характеристик. Подчеркивается важность исследования интеграции намерений при определении содержания общения, эмоционального фона, уровня конфликта, возможности манипулирования.

Ключевые слова: полиинтенциональность, интенция, возражение, речевая ситуация.

ON THE POLYINTENTIONAL SPECIFICITY OF THE OBJECTION SPEECH SITUATION

Research article

Maslova A.Y.¹*, Palchyonkova Y.D.²

¹ ORCID : 0000-0002-9367-1473;

² ORCID : 0009-0000-4081-5405;

^{1,2} National Research Mordovia State University named after N.P. Ogareva, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (al_mas[at]mail.ru)

Abstract

The article analyses the polyintentional nature of speech action on the example of the speech situation of objection; the specifics of the combination of intents within one communicative situation are studied. The paper presents regularly observed intensional complexes in the fulfilment of the priority goal of the objection, namely: intents of manipulation, criticism, irony, reproach, defence. The illustrative material demonstrating the pragmalinguistic features of the realisation of intensional complexes is commented on, attention is paid to the linguistic means of expression marking this or that intention. The presented fragment of the research discloses the pragmatic potential of the speech situation of objection in the aspect of its intensional characteristics. The importance of the study of intention integration in determining the content of communication, emotional background, the level of conflict, and the possibility of manipulation is emphasised.

Keywords: polyintentionality, intention, objection, speech situation.

Введение

Исследование интенциональной структуры высказывания является одним из актуальных направлений прагмалингвистики. В центре внимания исследователей находятся «характеристики дискурса, связанные с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами, а также с практической деятельностью коммуникантов», интенциональная модель интеракции, методика интент-анализа, «установление языковых признаков реализации интенций — их дискурсивных маркеров»; «без обращения к речевым интенциям коммуникантов невозможно уяснить не только то, почему и зачем нечто говорится, но и достигнутые результаты общения», — считают исследователи Н. Д. Павлова, В. А. Афиногенова, Т. А. Кубрак [8, С. 157].

Речевое действие возражения — сложный коммуникативный процесс, где выражение мнения, несогласия или критики часто сопровождается различными намерениями. Интенции в этом контексте играют ключевую роль, так как определяют в значительной степени динамику диалога и перлокутивный эффект взаимодействия участников речевой ситуации. Как отмечает В. Я. Иванченко, акт речи — действие, направленное на результат, зависит от глубины понимания коммуникантов, в котором важно осмысление не только значения слов и выражений, но и авторской интенции, на которой базируется высказывание [4, С. 84].

Однако нельзя не принимать во внимание полиинтенциональность речевого взаимодействия. Это подтверждает исследование Д. В. Колесовой, в котором автор, характеризуя многомерность интенции, указывает, что для текста свойственно наличие макроинтенций (целевых установок), определяющих общий стиль и жанр текста, и микроинтенций, задающих внутренние коммуникативные программы — более конкретные цели и функции [5]. Одновременно с этим, как справедливо обращает внимание С. В. Моццева, «сложность исследования

интенциональной структуры речевого акта связана и с тем, что в реальном общении происходит накладывание нескольких различных целей и намерений говорящего, поэтому эффективность речевой стратегии оценивается по достижению максимального количества целей либо в зависимости от их иерархии» [7, С. 20].

В связи с этим актуальным становится изучение смежности целевых установок в речевой ситуации возражения, что позволит верно интерпретировать заложенные коммуникативные смыслы и проанализировать эффективные способы достижения прогнозируемого говорящим результата.

Основные результаты

Довольно регулярно в речевой ситуации возражения наблюдается сочетание собственно интенции возражения с манипулятивной интенцией нередко с использованием коммуникативного давления:

– *Мама, милая мама! – заплакала наконец и Ксения Михайловна. – Ты сама прожила целую жизнь без любви и желаешь мне такой доли? – Нет между вами любви! Я верно знаю, нет её! Он видит в тебе только свежесть, чистоту! Красоты в тебе нет, одной ценности – та свежесть, но ей быстро приходит конец. Как только дети пойдут, он тут же к тебе остынет. А может, и прежде... И потом, ну что у него за душой? Долги? (А. Матвеева «Каждые сто лет. Роман с дневником»).*

В приведенном примере участник речевой ситуации Ксения Михайловна находится в подавленном состоянии, что создаёт благоприятные условия для манипулирования чувствами собеседника и коммуникативного давления в акте возражения со стороны её матери. Высказывание матери *Нет между вами любви! Я верно знаю, нет её* демонстрирует уверенность говорящего в своей правоте, что позволяет оказывать давление статусом матери, обладающим непререкаемым авторитетом; негативная оценка — отсутствие красоты и временность свежести — нацелена усилить отрицательные эмоции Ксении Михайловны и тем самым сделать более уязвимой для манипулятивного воздействия. Стремление убедить собеседника в своей правоте и заставить согласиться со своим мнением выражается отрицательным прогнозом последствий жизни дочери с ее возлюбленным: *<...> как только дети пойдут, он тут же к тебе остынет. А может, и прежде...; нестабильное финансовое положение (долги)*. Внушая тем самым страх перед будущим, мать пытается навязать дочери свою интерпретацию ситуации через создание негативного образа партнера.

Манипуляция эмоциональным состоянием страха оставаться в невыгодном финансовом положении наблюдается в следующем примере:

– *А я подчинюсь. – Стахеев отвернулся. – Вы должны меня понять. – Я ничего не должен, Иннокентий, – спокойно ответил Голдинг. – Если бросите нобелевскую баржу, то не получите от «Шелль» ни пенса (А. Иванов «Бронепароходы»).*

Реплика Голдинга демонстрирует прямое возражение: *Я ничего не должен <...>*; он отказывается принимать на себя ответственность за понимание и поддержку, устанавливая границы и подчеркивая свою независимость в данной ситуации. Вместе с тем, наряду с возражением относительно собственной позиции, говорящий предпринимает попытку манипулировать поведением собеседника посредством аргумента, который, по сути, должен восприниматься как угроза и требование действовать определенным образом.

Как видно из вышеприведенных примеров, коммуникативное давление и манипуляционная интенция наиболее эффективны при воздействии на эмоционально уязвимого собеседника. Так, А. В. Антонова отмечает: «Так как в процессе манипуляции информация, представляемая реципиенту, оценивается исходя из опыта, хранящегося во фреймах его памяти в виде фактов, образов, ассоциаций и связанных с ними эмоциональных оценок, то этот опыт, несомненно, может являться мишенью манипуляции. Кроме того, так как данный опыт во многом универсален, эффект манипуляции можно планировать заранее. Таким образом, вызывание определенных эмоций у реципиента является для языкового манипулятора «тем крючком, на который они поддеваются свою жертву» [1, С. 72–73].

Сходную точку зрения имеет А. В. Сафина, указывая на то, что во время манипуляции коммуникант стремится «вызвать у человека определенную эмоцию, и чем искуснее манипулятор, тем более подходящие приемы он выберет для того, чтобы вызвать у манипулируемого определенную эмоцию, которая и подтолкнет его к желаемым действиям» [9, С. 111].

Таким образом, подавленное состояние коммуниканта, его неуверенность или зависимость от другого участника процесса общения создают более благоприятные условия для достижения коммуникативной цели.

В рассматриваемой речевой ситуации интенция возражения может быть сопряжена с интенциями критики и иронии:

– *Ну и что, и прочитаю. – Его нужно вдумчиво читать, головой. А ты головой не умеешь, ты глазами читаешь! (Т. Устинова «Пояс Ориона»).*

Как можно заметить, во второй реплике, помимо возражения, присутствует явная критика адресата: *его нужно вдумчиво читать, головой. А ты головой не умеешь, ты глазами читаешь!* Говорящий указывает на недостаток собеседника, утверждая, что тот не способен воспринимать глубокий смысл текста, а читает лишь поверхностно. Своим высказыванием коммуникант выражает сомнение в интеллектуальных способностях собеседника, что усиливается аргументом, содержащим ироничное высказывание: *А ты головой не умеешь, ты глазами читаешь!* Ирония, как отмечает Е. Ю. Сидорова, заключающаяся в противоречии между буквальным и скрытым смыслом, «позволяет говорящему имплицитно передать свое отношение к происходящему» [9, С. 31].

Репрезентация интенционального комплекса наблюдается в следующем примере:

– *Не бойтесь, тётя Вер, мне врач разрешил! – Что это за врач такой, интересно, который разрешает беременным пить водку на собственной свадьбе? (А. Матвеева «Каждые сто лет. Роман с дневником»), — в реакции второго коммуниканта, возражающего против поведения первого, сочетаются интенции критики, иронии, выражения сомнения и осуждения.*

Говорящий ставит под сомнение профессионализм врача, дающего подобные рекомендации, и выражает недовольство по отношению и к врачу, и к самой ситуации, в которой беременная женщина собирается пить спиртное.

Критика направлена как на неразумность поведения собеседника с потенциальным риском для здоровья, так и на действия врача. Однако коммуникант *тетя Вера* открыто не критикует собеседника, интенциональные характеристики ее речевого поведения проявляются в форме вопроса посредством маркера, содержащего иронию: **Что это за** <врач такой?> Подобный вопрос не содержит проявление искреннего интереса, он используется для подчеркивания абсурдности ситуации. На подобное языковое выражение обращает внимание С. С. Мирсейтова, отмечая, что в транспонируемом вопросительном высказывании со значением несогласия выражаются две интенции: «ирония и вопрос» [4, С. 13]. Тетя Вера подразумевает, что врач не мог бы дать подобное разрешение. Ирония служит для усиления критического тона и демонстрации осуждения поведения первого собеседника и возражения против его действий.

В приведенных примерах наблюдается сложное взаимодействие интенций возражения, критики, выражения сомнения, осуждения, иронии, демонстрирующее повышение иллоктивной силы речевого действия обострением конфликтного характера ситуации, когда весь комплекс выявленных намерений подчинен выражению приоритетной цели возражения против действий собеседника и, возможно, их предотвращения.

Сочетание интенций возражения, упрека и защиты свойственно для речевой ситуации, в которой говорящий реагирует возражением на критику адресантом какого-либо явление, действие или объекта. По мнению Л. П. Бурмистровой, интенция защиты позволяет коммуниканту нейтрализовать агрессию собеседника в процессе реализации своей коммуникативной цели [2]. Например:

— Какая же это собака, — сказал Герман несколько даже обиженно. — Это какой-то... организм! — Сам ты организм! — прошипела Тонечка. — Это совершенно прекрасная маленькая собака! Нет, Саша, ты посмотри, какая прелестная! (Т. Устинова «Пояс Ориона».)

Реплика Тонечки **сам ты организм** является прямым упреком в адрес Германа. И. В. Иванкова, О. С. Макарова и Н. А. Толкачева, рассматривая речевой акт упрека в русском языке, указывают, что он может выражаться повтором — высказыванием, в котором копируется реплика или часть реплики собеседника, обычно наиболее значимая для адресата, когда говорящий пытается возразить собеседнику его же словами [2, С. 42]. Так и участник диалога отвечает на критику собаки, используя резкое и уничтожительное выражение, высказанное в ее же адрес, и давая этим понять, что такие слова воспринимаются как личное оскорбление. Тем самым Тонечка защищает собаку; с этой же целью она называет ее **совершенно прекрасной маленькой собакой**, желая опровергнуть негативное мнение Германа.

Отметим, что оскорбительным может стать не только сам факт произнесения критического замечания, но и вопрос, на первый взгляд, не имеющий уничтожительного характера:

— Вам деньги нужны? — спросил Илья. — Мне не нужны деньги! — как-то брезгливо ответил мужчина. — Я кандидат наук, у меня изобретения... Господи, какая чушь. Просто у вас интеллигентное лицо, а я не хочу связываться с хулиганом (Д. Рубина «Липовая жена»).

Адресант начинает свой ответ с возражения-отказа: **Мне не нужны деньги!**, что указывает на его высокую степень самооценки и независимости. Апелляция к своей ученой степени и научным достижениям: **я кандидат наук, у меня изобретения...** — косвенно выражает намерение защитить свой статус, подчеркнуть, что его ценности и интересы важнее материальных благ, и тем самым упрекнуть собеседника. Об этом свидетельствует и лексический маркер **брзгливо**, демонстрирующий презрение к вопросу Ильи — мужчина считает вопрос о деньгах неуместным и даже оскорбительным для себя.

Заключение

Таким образом, проанализированные интенциональные комплексы подчеркивают сложность и многоуровневость речевой ситуации возражения. Сочетание интенций определяет содержание общения, эмоциональный фон, уровень конфликта, возможность манипулирования. На примере речевой ситуации возражения можно сделать вывод о широком диапазоне прагматического потенциала интенциональных высказываний. Это подтверждает мнение ученых о том, что тенденция к рассмотрению интенциональности в качестве центрального базового понятия приобретает особое значение.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Аминджанова Р.Х., Таджикский технический университет имени академика М. С. Осими, Худжанд Таджикистан

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.156.110.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Aminjonova R.H., Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi, Khujand Tajikistan

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.156.110.1>

Список литературы / References

1. Антонова А.В. Об интенциональной модели манипулятивного речевого акта. / А.В. Антонова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. — 2006. — 10/2 (50). — С. 67–73. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-intentsionalnoy-modeli-manipulyativnogo-rechevogo-akta> (дата обращения: 22.04.25).
2. Бурмистрова Л.П. Речевая интенция защиты в диалогическом дискурсе : дис. ...канд. Социальные и гуманитарные науки : 10.02.19 : защищена 2005-06-29; утв. 2025-06-02 / Л.П. Бурмистрова. — Ульяновск : 2005. — 160 с.

3. Иванкова И.В. Речевой акт упрека в русском и немецком языках. / И.В. Иванкова, О.С. Макарова, Н.А. Толкачева // Национальная ассоциация учёных. — 2015. — 9 (14). — С. 41–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-upreka-v-russkom-i-nemetskom-yazykah> (дата обращения: 14.04.25).
4. Иванченко В.Я. Использование речевой интенции в процессе коммуникации. / В.Я. Иванченко // Научный потенциал. — 2020. — 3 (30). — С. 82–85.
5. Колесова Д.В. Интенция как базовая категория текстовой деятельности. / Д.В. Колесова // Мир русского слова. — 2009. — 3. — С. 28–31. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intentsiya-kak-bazovaya-kategoriya-tekstovoy-deyatelnosti> (дата обращения: 26.04.25).
6. Мирсейтова С.С. Транспозиция вопросительных предложений в современном английском языке : дис. ...канд. Социальные и гуманитарные науки : 10.02.04 / С.С. Мирсейтова. — Москва : 1991. — 170 с.
7. Мощева С.В. Речевая деятельность: интенция и интенциональность. / С.В. Мощева // Вестник Южно-Уральского университета. Серия «Лингвистика». — 2022. — 3. — С. 19–26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-deyatelnost-intentsiya-i-intentsionalnost> (дата обращения: 14.04.25). — DOI: 10.14529/ling220303
8. Павлова Н.Д. Определение речевых интенций субъектов общения по дискурсивным маркерам / Н.Д. Павлова, В.А. Афиногенова, Т.А. Кубрак // Экспериментальная психология. — 2023. — Т. 16. — 4. — С. 157–171.
9. Сафина А.В. Манипуляция с помощью невербальных средств общения: возможно ли это?. / А.В. Сафина // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2017. — 3 (399). — С. 110–115. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-s-pomoshchyu-neverbalnyh-sredstv-obscheniya-vozmozhno-li-eto> (дата обращения: 24.04.25).
10. Сидорова Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление. / Е.Ю. Сидорова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — 319. — С. 28–31. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-kak-kommunikativno-pragmatischekoe-yavlenie> (дата обращения: 27.04.25).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Antonova A.V. Ob intencional'noj modeli manipulyativnogo rechevogo akta [About intentional model of manipulative speech act]. / A.V. Antonova // Bulletin of Samara State University. — 2006. — 10/2 (50). — P. 67–73. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-intencionalnoy-modeli-manipulyativnogo-rechevogo-akta> (accessed: 22.04.25). [in Russian]
2. Burmistrova L.P. Rechevaya intentsiya zashchiti v dialogicheskem diskurse [Speech intention of defense in dialogical discourse: Based on the material of Russian and French languages] : dis...of PhD in Social and Human Sciences : 10.02.19 : defense of the thesis 2005-06-29; approved 2025-06-02 / L.P. Burmistrova. — Ulyanovsk : 2005. — 160 p. [in Russian]
3. Ivankova I.V. Rechevoj akt upreka v russkom i nemeczkom yazy'kax [Speech act of reproach in the Russian and German languages]. / I.V. Ivankova, O.S. Makarova, N.A. Tolkacheva // National Association of Scientists. — 2015. — 9 (14). — P. 41–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-akt-upreka-v-russkom-i-nemetskom-yazykah> (accessed: 14.04.25). [in Russian]
4. Ivanchenko V.Ya. Ispol'zovanie rechevoj intencii v processe kommunikacii [Use of the speech intensionin the process of communication]. / V.Ya. Ivanchenko // Scientific potential. — 2020. — 3 (30). — P. 82–85. [in Russian]
5. Kolesova D.V. Intenciya kak bazovaya kategorija tekstovoy deyatel'nosti [Intention as a basic category of textual activity]. / D.V. Kolesova // World of the Russian Word. — 2009. — 3. — P. 28–31. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intentsiya-kak-bazovaya-kategorija-tekstovoy-deyatelnosti> (accessed: 26.04.25). [in Russian]
6. Mirseitova S.S. Transpozitsiya voprositel'nykh predlozheniy v sovremennom angliyskom yazyke [Transposition of interrogative sentences in modern English] : dis....of PhD in Social and Human Sciences : 10.02.04 / S.S. Mirseitova. — Moscow : 1991. — 170 p. [in Russian]
7. Moshheva S.V. Rechevaya deyatel'nost': intenciya i intencional'nost' [Verbal Activity: Intention and Inten-tionality]. / S.V. Moshheva // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics. — 2022. — 3. — P. 19–26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-deyatelnost-intentsiya-i-intentsionalnost> (accessed: 14.04.25). — DOI: 10.14529/ling220303 [in Russian]
8. Pavlova N.D. Opredelenie rechevykh intentsiy sub'ektov obshcheniya po diskursivnym markeram [Determination of speech intentions of subjects of communication by discourse markers] / N.D. Pavlova, V.A. Afinogenova, T.A. Kubrak // Eksperimental'naya psichologiya [Experimental Psychology]. — 2023. — Vol.16. — 4.— P. 157–171. [in Russian]
9. Safina A.V. Manipulyaciya s pomoshh'yu neverbal'nyx sredstv obshheniya: vozmozhno li e'to? [Manipulation with the use of non-verbal means of communication: is it even possible?]. / A.V. Safina // Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences. — 2017. — 3 (399). — P. 110–115. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-s-pomoshchyu-neverbalnyh-sredstv-obscheniya-vozmozhno-li-eto> (accessed: 24.04.25). [in Russian]
10. Sidorova E.Yu. Verbal'naya agressiya kak kommunikativno-pragmatischekoe yavlenie [Verbal aggression as a communicative pragmatic phenomenon]. / E.Yu. Sidorova // Bulletin of Tomsk State University. — 2009. — 319. — P. 28–31. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-kak-kommunikativno-pragmatischekoe-yavlenie> (accessed: 27.04.25). [in Russian]